

Анализ поэмы В.В.Маяковского «Облако в штанах».

Учитель: В.М.Демидов, МОУ «Лицей№26» г.Подольска.

“Облако в штанах” Вл. Маяковского – центральное произведение в дооктябрьском творчестве, т.к. оно наиболее полно отражает особенности его поэтики и мироощущения в этот период. В произведении звучат все основные темы и мотивы лирики десятых годов: мотив будущего, мечта о преображении мира, протест против рутинного искусства, разоблачение основ общественного устройства жизни, решительное неприятие настоящего, трагическое одиночество во враждебном мире, невозможность идеальной любви и страстная мечта о гармоническом чувстве.

Анализ поэмы следует начинать с ее заглавия. Название поэмы – загадка и для методистов, и для литературоведов. Первоначально – название “Тринадцатый апостол”, затем – “Облако в штанах”; сначала – тетраптих, затем – трагедия.

В методике давно утвердилось мнение, что “понять “Облако в штанах” – значит раскрыть “четыре крика поэмы”: выяснить, что именно поэт отрицал и что утверждал. Первоначальное название “Тринадцатый апостол” подчеркивало всесторонность “апостольской проповеди”. Под давлением цензуры Маяковский был вынужден снять его и заменить новым – “Облако в штанах”. Этим, разумеется, не изменялась сущность произведения. Однако новое название акцентировало уже один “крик”: **долой вашу любовь!** “Сосредоточение внимания в самом заглавии именно на теме любви не случайно. Это была такая новая трактовка темы, которая имела принципиальное значение”.

В заглавии не только желание удивить читателя, эпатировать его – в нем заложен своеобразный дуализм художественного мира поэмы. **С “облаком в штанах” ассоциируется лирический герой. Облако – это нечто невесомое, белое и сияющее. Это образ горнего мира, с одной стороны, и вечно меняющийся, принимающий самые причудливые формы образ земного существования.** Облако может быть похоже на что угодно, его природа подвержена изменениям, а назначение – исчезнуть, растаять, иногда не выполнив своего прямого предназначения: превратиться в тучу и пролиться на землю живительным дождем. Используя термин Л.С. Выготского, можно сказать, что в поэме дан источник эстетической реакции

для читателя – два полюса, которые вызывают у него противоположные эмоции. В поэме это контрастные образы, эмоционально противоположные мотивы, противостояние цветов палитры, звуковых рядов.

Значит ли это, что название поэмы метафорически указывает на трагедию жизни поэта? Возможно, если взять за основу рассуждения о противоречиях во внутреннем мире героя. В его облике слиты самые противоречивые черты и качества характера: он грубый и нежный, он сильный и слабый, он предводитель безголосых орд и новый апостол, подобно Христу готовый взойти на крест ради голодных и страждущих.

В поэме лирический герой явный нигилист. Примеров этому утверждению в тексте более чем достаточно. Он не просто отрицает, иногда даже глумится над устоявшимися взглядами, авторитетами. Однако, он – облако, поэтому в нем самым парадоксальным образом уживается наряду с нигилизмом страстное стремление к Идеалу. Это стремление находит свое выражение в формах исповеди и проповеди, именно такие жанровые формы приобретает поэма в некоторых своих фрагментах.

Лирический герой близок автору. Маяковский говорит от первого лица, он предельно искренен в проявлении своих чувств и выражении своих мыслей. Ничто в мире не оставляет его равнодушным. Вселенские проблемы – это его личные проблемы.

Чувство причастности ко всей Вселенной не могло не породить особые мотивы в поэме, прежде всего те, которые связаны с Библией. **Поэтому библейские мотивы могут стать ключом к пониманию поэмы в целом, они пронизывают всю художественную ткань произведения.**

Первая глава начинается с фразы, которая звучит как продолжение разговора, как начало исповеди, как исступленный рассказ измучившегося непереносимыми душевными страданиями человека, жаждущего избавления от боли. Он не вполне доверяет своей аудитории, раскрывается перед нею лишь потому, что не находит других слушателей. Отсюда – попытка опередить возможные скептические замечания: нет, он болен не малярией, он – “прекрасно болен”!

Поэт всевозможными художественными средствами создает зыбкий, ирреальный мир, в котором время и пространство существуют по своим законам, они враждебны лирическому герою. В этом мире вечер готовит

казнь, канделябры “смеются и ржут” за спиной, двери гостиницы лязгают, как зубы у голодного монстра. Свечи, символизирующие веру, горят за спиной, они порождают лишь ужасные видения. **Может быть, поэтому образ возлюбленной поэта ассоциативно связывается и с именем Богородицы и с образом блудницы одновременно.**

Обратимся к этому образу в поэме как ключевому. Он появляется в первой главе, когда бесплодные ожидания любовного свидания доводят героя до исступления. Лирический герой выглядит жалкой “громадиной”, страдающей от неразделенной любви и желания. **В поэме герою противостоит весь мир: все живые и неживые предметы, город и дождь за окном, само время. Хронотоп поэмы приобретает мифопоэтическую характеристику: время почти совсем останавливается, оно подобно болоту, медленно, но неуклонно затягивающему в свою “тину” сознание человека. “Время обычно выступает у него как некая страшная сила, соотносимая с мучительством и убийством”.**

Действо разворачивается на фоне Вселенной, Мира, Истории человечества. Возникает образ Собора Парижской Богоматери. Здесь следует обратить внимание на звукоряд двух строф: аллитерация и ассонанс строк “В стеклах дождинки серые / свылись, / гримасу громадили, / как будто воют химеры / Собора Парижской Богоматери” позволяют читателю явственно услышать вой и свист ветра, который заглушает едва сдерживаемый стон влюбленного, прерываемый страшным проклятием. В чей адрес? В адрес любимой девушки или в адрес самой Богоматери? “Проклятая! / Что же, и этого не хватит? / Скоро криком издерется рот...” О том, что девушку зовут Мария, читатель узнает позже. Мария – это знаковое имя.

В первой главе поэт еще несколько раз использует образ храма. Где все рассматривается через призму любви, даже сердце имеет свою церковь: “Мама! / Петь не могу. / У церковки сердца загорается клирос”.

Возглашаемая Маяковским революция становится расплатой за пошлость и растление мира, в котором он живет. Однако герой может погибнуть, и тогда его гибель все равно отождествляется с распятием – “распятием обновляющего Слова”. Герой “Облака”, претерпев поражение – в борьбе за Марию, женщину с именем Богородицы, – разворачивает программу грандиозного мщения”.

Итак, лирический герой готов к страданию, самопожертвованию в мире, где даже святой образ Богородицы находится в забытом трактирном углу. Антитеза трактир (кабак) – церковь (храм) (первая-третья главы поэмы) не нова в русской литературе. Маяковский помещает икону Богоматери в трактирный угол, его лирический герой “вином обливая душу и скатерть”, видит глаза Богородицы.

Последующие шесть строф, завершающие третью главу поэмы, имеют форму мольбы – молитвы к Ней. Возникают библейские образы креста, распятия, которые поэт подвергает переосмыслению. Он кричит о том, что со времени гибели Христа в мире ничего не изменилось: снова “голгофнику оплеванному предпочитают Варавву”. В поэме звучит мотив жертвенности и одиночества лирического героя. Одновременно он противопоставляется и объединяется с толпой (той, которая кричала “Распни, распни его”): с одной стороны “в человеческом месиве / лицом никого не новей” (читай, такой же, как все), с другой – **“Я, / может быть, / самый красивый / из всех твоих сыновей”**. Этот переход связан с мотивом избранничества лирического героя. Он поэт-мессия, он, как и Христос, готов к великой жертве ради прекрасного завтра, ради продолжения жизни, ради любви. **Образ поэта в “Облаке” “персонифицированное Слово”, “новый Иисус, “голгофник оплеванный” (его предтеча или апостол), обрекаемый жестоким Отцом и миром на крестные муки”**

Так, в поэме на уровне контрастного сопоставления дан образ героя: вот он среди толпы, на улицах и площадях, он – поэт – язык и голос улицы. Здесь лирический герой кричит, только так можно выразить себя (“мир огромив мощью голоса”). Однако в первой и четвертой главах герой стремится к уединению с любимой. Он либо находится в замкнутом пространстве, либо стремится в него: “Мария! Мария! Мария! / Пусти, Мария! / Я не могу на улицах!” Он стремится в интимное, личное пространство человека, где можно говорить “тихо”, где звучат не проклятия и призывы, а слова любви и молитвы. В толпе, на улицах невозможно “в зажиревшее ухо втиснуть им тихое слово”. Само имя Марии поэт сравнивает “в муках ночей рожденное слово, величием равное богу”. В четвертой главе герой молит о любви земной, даже плотской.

В четвертой главе любовь Маяковского принимает черты трагической безысходности. Страдания поэта таковы, что они дают ему право обращаться к самому Богу на “ты”. Ему кажется, что небеса предают его, оставляют на гибель. В поэме Бог-отец невнимателен к сыну, он не слышит его...

Лирический герой близок Христу, он тоже пострадал от Отца-тирана... Образ Бога в поэме, так же как образы Марии, лирического героя, двухпланов.

В последней главе, как и выше, возникают контрастные ассоциации, объединяющие Деву Марию и Марию Магдалину. Мария Магдалина – образ кающейся грешницы в христианском искусстве.

В заключительной части четвертой главы Маяковский снова кричит. Его не хотят услышать, его вообще не хотят. Дважды повторяется: “Не хочешь? Не хочешь!” – “Хочешь? Не хочешь?” – сначала в адрес Марии, а затем самого Бога. “...Вселенная не внемлет Маяковскому, как внимала она Господу в Библии: “Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит” (Ис. 1:2). Из этой главы становится еще более очевидным тот факт, что мятеж героя против Бога и ангелов вырастает из земного восстания...

Образ Богородицы как Прекрасной Дамы возникает в известной балладе Пушкина “Жил на свете рыцарь бедный...” Чувство, которое питал к Марии-Деве “рыцарь бедный” – это не просто религиозное поклонение. Это любовь к женщине, пронесенная до конца, до смерти.

В балладе рассказывается о том, что когда рыцарь умер, его душой завладевает бес: “Он-де Богу не молился, / Он не ведал-де поста, / Не путем-де волочился / Он за матушкой Христа”. Насколько очевидна авторская ирония, настолько закономерен и финал этой любовной истории: “пречистая, конечно, заступилась за него...”. Божья Мать в этом стихотворении поступает так, как поступила бы любая земная женщина... Маяковский в этом случае наследует и продолжает пушкинскую традицию. Его Мария также совмещает в себе две ипостаси: земную и небесную, духовную и физическую. Более того, мольба о любви и понимании – это мольба и о полноценной любви.

Для русского менталитета характерно воплощение идеала в жизни. Не об этом ли писал Ф.И. Тютчев в стихотворении “Как неразгаданная тайна...”:

Земное в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

В поэме А.Вознесенского “Авось!”, на наш взгляд, находят свое продолжение основные мотивы поэмы Маяковского “Облако в штанах”. Эта поэма хорошо известна по той причине, что вот уже несколько десятилетий существует мюзикл, либретто которого написано Вознесенским по мотивам поэмы. Мюзикл носит название “Юнона и Авось”. Музыка к поэме Вознесенского написал композитор А.Рыбников.

Наряду с образами русского офицера Резанова и дочери сан-францисского губернатора Кончиты главной героиней в “Авось!” становится сама Божья Мать. К ней обращаются за помощью влюбленные, и она им отвечает.

Обратим внимание, насколько “молитва Резанова – Богоматери” близка к пушкинской балладе. Резанов тоже “бедный рыцарь”: ради Нее он учился, открывал новые земли, приумножал славу и богатства России. Но вот финал этой “молитвы”: “Всю жизнь загубил я Во имя Твоя. / Зачем же лишаешь последней улады? / Она ж несмышлениш и малое чадо... / Ну, что тебе мало уже от меня?” – “И вздрогнули ризы, окладом звеня. / И вышла усталая и без наряда. / Сказала: “Люблю тебя, глупый. Нет сладу. / Ну что тебе надо еще от меня?”

В поэме Вознесенского Мария соединяет в себе и божественное и земное. Она объясняется в любви к Резанову, прощает кощунственные речи Кончиты, она сама молит о любви: “Плоть не против Духа, ибо дух – / то, что возникает между двух. Тело отпусти на покаянье!..” И далее: “Бог, Любовь Единая в двух лицах, / Воскреси любую из марусь.../ Николай и наглая девица, / Вам молюсь!”.

Таким образом, история, рассказанная Маяковским в “Облаке в штанах” не имеет ни начала, ни конца. Это вечная история любви, в трагическое действо которой вовлекаются и люди и Небеса.